ДЕТЕКТИВЫ

СЕБАСТЬЯНА ЖАПРИЗО

КУПЕ СМЕРТНИКОВ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Себастьян Жапризо
Купе смертников

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138123
Купе смертников: Роман / Жапризо С.: Лимбус Пресс; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-8370-0504-6

Аннотация

Ранним утром в Париж из Марселя прибывает поезд. Пассажиры выходят на перрон и отправляются по своим делам, но в купе одного из вагонов железнодорожный служащий обнаруживает труп молодой женщины. Кому потребовалось свести счеты с мадемуазель Жоржеттой Тома? Какие секреты утаивают от правосудия пассажиры злосчастного купе? И почему все попутчики убитой девушки погибают один за другим, едва успев дать показания в полиции?

«Купе смертников» – первый роман признанного мастера психологического детектива Себастьяна Жапризо, именно эта книга в 1962 году открыла миру имя будущего классика жанра.

Содержание

Вот как все это началось 5
Место 226 21
Место 224 51
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Себастьян Жапризо
Купе смертников

Sébastien Japrisot
COMPARTIMENT TUEURS

Перевод с французского Рубели Закарьян

© Editions DENOfiL, 1962
© Р. Закарьян, наследница, 2018
© ООО «Издательство К. Тублина», 2014
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2014
© А. Веселов, оформление, 2014

Вот как все это началось

Поезд прибыл из Марселя.

Это был, как говорил железнодорожный служащий, в обязанности которого входил осмотр коридоров и опустевших купе, «Фокеец»[1] 7.50, после которого можно и перекусить». До него прибыл «Аннеси» 7.35, где на этот раз он обнаружил два пальто, зонтик и протечку в отоплении. Наклонившись над расколотой гайкой рычага, он через оконное стекло увидел, что «Фокеец» остановился напротив, на той же платформе.

В это субботнее утро начала октября воздух был на редкость холодным и прозрачным. Пассажиры, возвращающиеся с Юга, где на пляжах было еще полно купающихся, удивлялись, что вместе со словами приветствия изо рта у них вырывается белое облачко пара.

Служащему, проверявшему вагоны, было сорок три года, звали его Пьер, товарищи же прозвали его Малыш, он придерживался крайне левых взглядов, мысли его были заняты забастовкой, которая должна была начаться на будущей неделе, но сейчас, поскольку все шло как и положено холодным субботним утром в 7 часов 53 минуты на Лионском вокзале, он почувствовал, что проголодался, ему захотелось вы-

[1] По имени жителей древнегреческой колонии, основавших в VI в. до Р.Х. город Массалию – теперешний Марсель.

пить чашку хорошего кофе.

Вагоны должны были простоять здесь не меньше получаса, и потому, выйдя из «Аннеси», он решил выпить кофе, прежде чем примется за «Фокейца». В 7 часов 56 минут, держа в руках дымящуюся желтую чашку с красной каемкой и сдвинув на затылок синюю форменную фуражку, он уже горячо обсуждал с близоруким контролером и чернорабочим-североафриканцем вопрос о том, насколько эффективной может быть забастовка, начатая в среду, в тот самый день недели, когда никто, ну буквально никто, никуда не ездит поездом.

Он говорил неспешно, спокойно, утверждал, что такие вот кратковременные забастовки – это нечто вроде рекламы; главное – привлечь общественное внимание. Собеседники признавали его правоту. С ним вообще легко соглашались. Он был высоким, неторопливым, с медлительной речью и такими же медлительными жестами, с большими спокойными глазами, из-за которых лицо его казалось удивительно молодым. Он пользовался репутацией человека, которого не испугаешь, даже если нападешь на него из-за угла, в общем, крепкого парня.

В 8 часов 05 минут он уже обходил коридоры «Фокейца», открывал и закрывал застекленные двери.

В четвертом вагоне второго класса, в третьем купе, если считать с конца, он нашел позабытую там желто-черную косынку. Развернув ее, он увидел, что на ней изображена бухта

Ниццы, вспомнил Ниццу, Английскую набережную, Казино, маленькое кафе в квартале Сен-Рош. В Ницце он побывал дважды: в двенадцать лет в летнем лагере и в двадцать, во время свадебного путешествия.

Ницца.

В следующем купе он обнаружил труп.

Хотя он регулярно засыпал в кино еще до начала детективного фильма, он сразу понял, что перед ним труп. Женщина лежала поперек нижней полки, справа от входа, ноги как-то странно свисали под полку, так что ступней не было видно, в открытых глазах отражался дневной свет. Одежда ее, темный строгий костюм и белая кофточка, были в беспорядке, но не более, как ему показалось, чем у любой пассажирки, которая, уже одетая, прилегла бы ненадолго отдохнуть в вагоне второго класса. Ее левая рука с резко выступающими суставами пальцев вцепилась в край полки, ладонь правой руки упиралась в тонкий матрас, все тело, казалось, застыло в ту самую минуту, когда она попыталась подняться. Юбка костюма слегка задралась, так что образовались три складки. Черная лодочка с очень тонким каблуком валялась на соскользнувшем на пол сером скомканном казенном одеяле.

Железнодорожный служащий выругался в сердцах и целых двенадцать секунд смотрел на покойницу. На тринадцатой секунде он перевел взгляд на опущенную на окне штору. На четырнадцатой секунде посмотрел на часы.

Было 8 часов 20 минут. Он снова выругался, подумал о том, кому следует сообщить об этом, и на всякий случай поискал в кармане ключ, чтобы запереть купе.

Через пятьдесят минут, когда штору подняли и луч солнца осветил колени лежавшей женщины, в купе затрещали вспышки фотографа из отдела криминалистики.

Женщина была молодой, черноволосой, довольно высокой, худощавой и миловидной. На шее, чуть выше выреза кофточки, были отчетливо видны следы: нижний след представлял собой цепочку примыкающих друг к другу маленьких круглых пятнышек, второй, повыше, был глубоким и плоским, по обеим его сторонам вспухли черноватые полоски. Указав на них пальцем, врач бесстрастным тоном заметил, обращаясь к присутствующим, что тут, на коже, не совсем обычные фиолетовые пятна, чернота эта, скорее всего, говорит о том, что убийца воспользовался грязным поясом.

Окружавшие его трое мужчин в пальто подошли поближе, чтобы убедиться в правоте его слов. Под ногами в купе захрустели раздавленные жемчужины. Они валялись повсюду, блестели подобно маленьким солнечным пятнышкам на простыне, поверх которой лежала женщина, на соседней полке, на полу и даже на краешке окна, на высоте целого метра от пола. Потом их обнаружили и в правом кармане темного костюма убитой. Это были бусинки дешевого ожерелья, купленного в универсальном магазине «Призюник».

Врач добавил, что даже при беглом осмотре можно ска-

зать, что убийца вначале находился за спиной своей жертвы, он накинул ей на шею плоскую удавку, а когда душил, потянул также и за ожерелье, которое, не выдержав, разорвалось. На затылке нет кровоподтека. Шейные позвонки не повреждены. Зато пострадали адамово яблоко и боковые мышцы шеи.

Защищалась женщина недолго и неумело. На руках у нее был маникюр, и лак отскочил только с одного ногтя, на среднем пальце правой руки. Убийца то ли сознательно, то ли просто во время борьбы бросил ее на полку. И там прикончил, потянув за удавку с обоих концов. Насколько врач мог судить, потребовалось две-три минуты, чтобы задушить жертву. Смерть наступила менее двух часов назад – вероятно, вскоре после прибытия поезда.

Один из находившихся в купе мужчин, который сидел, держа руки в карманах и сдвинув набок шляпу, с краю на нижней левой полке, спросил о чем-то сквозь зубы. Для очистки совести врач, присев сбоку, осторожно приподнял голову жертвы и ответил, что пока еще, очевидно, рано что-либо говорить, но, по его мнению, убийца находился в таком положении, что не обязательно должен был быть намного выше и намного сильнее жертвы, сделать это могли и мужчина, и женщина. Просто женщины так не убивают.

Ну, ладно. Он закончит осмотр трупа к полудню. Взяв чемоданчик, он пожелал остальным удачи и удалился. Уходя, он закрыл дверь купе.

Мужчина в шляпе достал из кармана мятую сигарету, размял ее пальцами. Один из помощников протянул ему зажигалку, затем, засунув руки в карманы пальто, подошел к окну и прижался лбом к стеклу.

Прямо под окном сотрудники отдела криминалистики, ожидавшие, когда купе перейдет в их распоряжение, молча курили. Чуть дальше группа железнодорожных служащих и мойщиков окон горячо обсуждала случившееся. К вагону, у передней его двери, были приставлены носилки из парусины с потемневшими от времени деревянными ручками.

Мужчина, смотревший в окно, достал из кармана пальто платок, высморкался и сказал, что явно подхватил грипп.

Мужчина в шляпе, сидевший за его спиной, заметил, что он весьма сожалеет, но с гриппом ему придется немного повременить, должен же кто-нибудь этим заняться. Он назвал стоящего Грацци и в заключение добавил, что именно он, Грацци, этим сейчас и займется. Он поднялся, снял шляпу, достал лежавший в шляпе платок, громко высморкался, заявил, что и у него, черт побери, грипп, положил платок обратно в шляпу, надел шляпу на голову и сказал своим глуховатым голосом, который из-за насморка звучал еще глуше, что, раз уж так получилось, то ему, Грацци, лучше всего было бы начать не откладывая. Осмотреть сумочку, одежду, чемодан. Во-первых, выяснить, кто эта красотка. Во-вторых, откуда она приехала, где живет, с кем знакома и все остальное.

В-третьих, составить список пассажиров, купивших билеты в это купе. Он ждет его с докладом в семь вечера. Неплохо, если бы на этот раз глупостей было сделано меньше, чем обычно. Следователем будет эта скотина Фрегар. Имеющий уши да услышит. Суть в том, чтобы суметь правильно все подать. Ты понимаешь? Подать.

Он вынул руку из кармана, помахал ею и внимательно посмотрел на мужчину, стоящего у окна, но тот не обернулся. Тогда он сказал: ладно, ему еще надо встретиться с Трюкмюшем по поводу этой истории с игральными автоматами, а потому он убегает.

Третий присутствующий, подбиравший рассыпавшиеся по полу жемчужины, поднял на него глаза и спросил, а чем заняться ему.

В ответ раздался громкий смех, и голос, приглушенный насморком, ответил, что от него, недотепы, все равно толку мало, ему бы только в игрушки играть, что же еще он может делать?

Мужчина в шляпе еще раз взглянул на того, кто по-прежнему смотрел в окно: на очень высокого худого человека в темно-синем пальто с обтрепанными рукавами, с тусклыми темными волосами, которого ссутулили тридцать пять, а то и сорок лет постоянного послушания. Стекло перед ним запотело. И вряд ли он мог что-нибудь рассмотреть.

Мужчина в шляпе сказал еще, что ему, Грацци, следует осмотреть и другие купе, никогда не знаешь, что там может

оказаться, и даже когда там ни черта нет, в рапорте это производит впечатление. Надо уметь все подать.

Он хотел еще что-то добавить, но только пожал плечами и сказал, что все-таки здорово простудился.

– А тебя, собиратель жемчуга, я жду к двенадцати на набережной Орфевр, – закончил он. – Чао.

И вышел, не закрыв двери.

Мужчина, стоявший у окна, обернулся – у него было бледное лицо, голубые глаза, спокойный взгляд – и сказал своему спутнику, наклонившемуся над нижней полкой, на которой лежала убитая, что кое-кто действительно заслуживает хорошей взбучки.

Это был небольшой блокнот с соединенными пружинкой листочками в клетку, в красной обложке, на которой были видны отпечатки пальцев. Куплен он был за сто франков в одном из писчебумажных магазинов Баньо, хозяин которого любил выпить и поколачивал свою жену.

Инспектор, которого коллеги называли Грацци, открыл этот блокнот в кабинете второго этажа вокзала, чтобы занести туда первые полученные сведения. Было около одиннадцати. Четвертый вагон «Фокейца» вместе с остальными вагонами поезда был отправлен на запасной путь. Три человека в перчатках, вооруженные целлофановыми пакетами, принялись тщательно осматривать его.

«Фокеец» вышел из Марселя в пятницу 4 октября в 22.30.

Как и положено по расписанию, он останавливался в Авиньоне, Балансе, Лионе и Дижоне.

В купе, где был обнаружен труп, места шли с 221-го по 226-е, счет начинался снизу, нечетные номера находились слева от входа, а четные – справа. Пять билетов были куплены заранее, в Марселе. И только одно место, 223-е, оставалось свободным до Авиньона.

Жертва лежала на полке под номером 222. Билет, найденный в ее сумочке, указывал, что она села в поезд в Марселе и, если только не поменялась с другим пассажиром, должна была ночью занимать 224-е место.

Во время пути в вагонах второго класса билеты проверялись только раз, после Авиньона, между 23.30 и 0.30. С контролерами, проверявшими билеты, удалось связаться по телефону лишь после полудня. Оба они утверждали, что никто из пассажиров не опоздал на поезд, но, к их великому сожалению, они не запомнили тех, кто ехал в этом купе.

Набережная Орфевр, 11 часов 35 минут.

Одежда, белье, сумочка, чемодан, туфли, обручальное кольцо жертвы ждали своего часа на столе одного из инспекторов, но не того, который должен был заняться расследованием. К ним был приложен напечатанный в двух экземплярах на машинке список обнаруженных вещей, составленный Безаром, стажером отдела криминалистики.

Бродяга, которого допрашивали за соседним столом, от-

пустил мерзкую шутку по поводу бумажного пакета, разорвавшегося во время путешествия по этажам, откуда выглядывало облако белого нейлонового белья. Инспектор Грацци велел ему заткнуться, на что бродяга ответил, что им следует сразу договориться: раз уж он не должен ни о чем говорить, то ему лучше уити; тогда сидевшим напротив него инспектор на него замахнулся, но тут на защиту угнетенных встала какая-то дама, присутствовавшая «от начала до конца» при каком-то дорожном происшествии. Во время этой перепалки на пол то и дело падали вещи, которые Грацци ронял, пытаясь перенести их все разом со стола, на котором они громоздились, на свой собственный.

Еще до того, как инцидент был исчерпан, Грацци знал уже добрую половину того, что мог ему сообщить его легкомысленный груз, который теперь, когда он принялся составлять опись, не умещался на его столе, падал со стула, валялся на полу, перебирался на соседние столы, и сослуживцы от души ругали этого болвана, который не может работать на том месте, которое ему отведено.

Напечатанная на машинке опись вещей была снабжена некоторыми примечаниями; так, жемчужина, найденная в кармане темного костюма, была присоединена к жемчужинам, собранным в купе, которые будут тщательно исследованы; отпечатки пальцев на сумочке, чемодане, обуви и предметах, находившихся в сумочке и чемодане, по большей части принадлежали самой жертве, что же касается остальных

отпечатков, то для того, чтобы сравнить их с отпечатками, обнаруженными в поезде, необходимо провести специальный анализ, так как они старые и плохо сохранились; пуговица, которой не хватало на лифе, отыскалась в купе и будет изучена вместе с жемчужинами; несколько неумелых непристойных рисунков с подписью «Лучше журавль в руках, чем синица в небе» на сложенном вчетверо листке бумаги формата 21 на 27, найденном также в сумочке, представляют собой ребус во вкусе коммивояжеров. К тому же он разгадан неправильно, а если судить по упорству, с которым Безар (целых четырнадцать строчек на машинке) объяснял, почему эта разгадка не подходит, можно было не сомневаться, что начальство немало позабавилось, и ребус этот был сегодня у них в конторе главной темой разговоров.

К полудню ребус, впрочем, обошел все этажи, поскольку сам шеф, сидя в шляпе за своим столом, что-то рисовал на бумаге и предлагал свои решения, сопровождая их хриплым смехом сильно простуженного человека, трем веселившимся инспекторам, которые радостно подхватывали его шутки.

Тишина наступила, когда в комнату, сгорбившись и сморкаясь, вошел тот, кого звали Грацци.

Шеф сдвинул шляпу на затылок, сказал: «Ладно, ребята, мне надо поговорить с нашим Шерлоком Холмсом», – а если судить по выражению его лица, сразу видно, что дела идут не слишком шикарно, – так что вы можете убираться». Кон-

чик его карандаша все еще касался листка бумаги, покрытого рисунками, а в уголках рта и в прищуре глаз затаился смех. Опустив голову, он машинально продолжал что-то рисовать, в то время как Гращи, прислонившись к радиатору центрального отопления, бесстрастным голосом излагал то, что было записано у него в блокноте.

Жертву звали Жоржетта Тома. Тридцать лет. Родилась во Флераке (департамент Дордонь). Двадцати лет вышла замуж за Жака Ланжа. Через четыре года развелась. Рост метр шестьдесят три, брюнетка, глаза голубые, кожа светлая, особых примет нет. Работала демонстратором фирмы косметических товаров «Барлеи». Жила в доме 14 на улице Дюперре. Со вторника 1 октября до вечера пятницы 4 октября находилась в Марселе, где рекламировала товары фирмы. Остановилась в «Отель де Мессажери» на улице Феликса Пиа. Обедала и ужинала в кафе и ресторанах на улице Феликса Пиа и в центре. Зарабатывала за вычетом взносов на социальное страхование 922 франка 58 сантимов в месяц. На сегодняшний день на счету в банке у нее лежит 774 франка 50 сантимов. В сумочке наличными имелось 342 франка 93 сантима и один канадский доллар. По-видимому, убийство не было совершено с целью ограбления. Найдена записная книжка с адресами, которые еще предстоит проверить. В вещах не обнаружено ничего особенного: пустая коробочка от аспирина, которую она могла бы уже выбросить, несколько фотографий ребенка, довольно нежное письмо о переносе свидания, на-

чинающееся словами «Милая моя перепелочка», без даты и подписи, – вот и все.

Шеф сказал: хорошо, все проще простого, для начала надо поговорить с людьми. Он достал из кармана мятую сигарету, покрутил ее в пальцах. Поискал глазами зажигалку. Грацци подошел поближе к нему и дал ему прикурить. Наклонившись к огоньку, шеф проговорил: «Во-первых, улица Дюперре, если она действительно там жила. – Он затянулся, кашлянул, сказал, что ему следовало бы бросить курить. – Во-вторых, как ее там, фирма “Барлеи”. В-третьих, найти родственников, чтобы ее опознали».

Он взглянул на лежащий перед ним листок с рисунками и сказал с благодушной улыбкой, что это очень забавно. А что думает об этом сам Грацци?

Грацци ничего не думал.

Шеф проговорил «ладно» и встал. Он собирался пообедать вместе с сыном в одном из бистро Центрального рынка. Сын намерен поступать в школу Изящных искусств. Двадцать лет, а в голове ветер гуляет. Только труба и изящные искусства, вот и все, что его интересует. Сын у него – настоящий кретин.

Натягивая пальто, он на мгновение остановился, вытянул вперед указательный палец и повторил, что уж он, Грацци, может ему поверить, сын у него настоящий кретин. К несчастью, это ему не мешает его любить. Уж он, Грацци, может ему поверить, у него просто сердце разрывается.

Он снова сказал «ладно». Они еще побеседуют после обеда. А как со списком пассажиров, взявших билеты на поезд? Эти железнодорожники никогда не спешат. Во всяком случае, не стоит пока слишком загружать лабораторию. Придушить в поезде красотку – это работа не для профессионала. Не успеет Грацци оглянуться, как какой-нибудь псих свалится ему на голову: я любил ее и тому подобное. И тогда можно будет передать дело этой скотине Фрегару.

Закутав шею теплым шерстяным кашне в красную клетку, он стал застегивать пальто на толстом животе, который торчал у него словно у беременной женщины. Он пристально посмотрел на Грацци, на его галстук. Он никогда никому не смотрел прямо в лицо. Говорили, что у него что-то с глазами, что-то с ним в детстве приключилось. Но разве можно поверить, что и он был когда-то ребенком?

В коридоре он оглянулся и окликнул Грацци, который в эту минуту входил в комнату инспекторов: да, он чуть было не забыл сказать. Это касается истории с игральными автоматами, тут надо действовать очень осторожно, замешано слишком много народу. И пока не передадут все сведения в Управление безопасности, не следует слишком высовываться. Так что если какой-нибудь газетчик крутится здесь, в их конторе, хорошо бы ему подсунуть историю задушенной красотки, а об остальном промолчать. Имеющий уши да услышит.

Первый «газетчик, крутившийся в их конторе», поймал Грацци за рукав в шестнадцать часов, когда тот вместе с белокурым собирателем жемчуга возвращался с улицы Дюперре. У него была серьезная улыбка и процветающий вид постоянного сотрудника «Франс Суар».

Грацци подарил ему со всеми полагающимися оговорками историю женщины, задушенной на Лионском вокзале, и великодушно достал из бумажника фотографию с удостоверения убитой, переснятую отделом криминалистики. Жоржетта Тома была там такой, какой ее нашли, с искусным макияжем, хорошо причесанная, ее вполне можно было узнать.

Журналист присвистнул, внимательно все выслушал, сделал кое-какие пометки, взглянул на наручные часы, сказал, что летит в Институт судебной медицины; он там подмажет одного типа и, если повезет, перехватит консьержку с улицы Дюперре, которая должна опознать покойницу. У него остается пятьдесят минут, он может еще успеть тиснуть заметку в последний вечерний выпуск.

Он так спешил, что через четверть часа все парижские газеты были оповещены своими «доброхотами» о случившемся. Но для них это уже не представляло интереса, поскольку следующий день был воскресеньем.

В 16 часов 15 минут Грацци, расстегнув пальто, собирался уже сесть за телефон, чтобы выяснить, куда приведет его записная книжка погибшей, как вдруг увидел у себя на столе

написанный от руки список пассажиров, купивших билеты на места с 221-го по 226-е в «Фокейце». Все шестеро купили билеты заранее, за сутки или двое до отхода поезда:

место 221 – Риволани, пятница 4 октября, Марсель;

место 222 – Даррес, четверг 3 октября, Марсель;

место 223 – Бомба, четверг 3 октября, Авиньон;

место 224 – Тома, пятница 4 октября, Марсель;

место 225 – Гароди, четверг 3 октября, Марсель;

место 226 – Кабур, среда 2 октября, Марсель.

Услуга за услугу: инспектор, которого звали Грацци, позвонил в Институт судебной медицины, чтобы поймать там журналиста и попросить его вставить в свою статью этот список. На другом конце провода ему велели подождать, и Грацци ответил, что не вешает трубку.

Место 226

Рене Кабур уже восемь лет ходил в одном и том же пальто с хлястиком. Большую часть года он носил вязаные шерстяные перчатки, вязаные жакеты с длинными рукавами и толстое кашне, не позволявшее ему ворочать шеей.

Он был мерзляком, быстро простужался, и с первыми холодами он, человек и так по натуре угрюмый, превращался чуть ли не в неврастеника.

Каждый вечер он выходил из филиала «Пари-Сюд» фирмы «Прожин» («Прогресс на вашей кухне») чуть позже половины шестого. Хотя прямо напротив его конторы находилась автобусная остановка «Площадь Алезии», он садился в свой 38-й автобус на конечной остановке, у Орлеанских ворот, чтобы быть уверенным, что займет удобное сидячее место. В течение всего пути, до самого Восточного вокзала, он не отрывался от своей газеты. Читал он «Монд».

В этот вечер, непохожий на все остальные вечера, поскольку он только утром возвратился из единственного за последние десять лет путешествия, он изменил некоторым своим привычкам.

Во-первых, он забыл перчатки в ящике стола, а так как ему хотелось поскорее вернуться домой, в свою квартиру, где он не прибирался уже целую неделю, решил не возвращаться за ними. Затем, чего с ним раньше никогда не случа-

лось, зашел в пивной бар у Орлеанских ворот и за стойкой выпил кружку пива: от самого Марселя – а он ехал в жарко натопленном вагоне, где спать ему пришлось одетым, поскольку в купе были женщины, и он не был уверен, что его пижама достаточно чиста, – его все время мучила жажда. И наконец, выйдя из бара, он обошел три газетных киоска, но так и не нашел «Монд». Последний выпуск еще не доставили. А его автобус уже стоял на остановке. И тогда он взял «Франс Суар».

В 38-м автобусе, устроившись в середине салона, подальше от колес, около окна, он, не читая, перевернул первую страницу. Следующие страницы, более серьезные, не так портили ему удовольствие. Он никогда не любил громких криков, веселого смеха, соленых шуток. Крупные заголовки также претили ему.

Он чувствовал себя усталым, какая-то тяжесть залегла между глазами, что у него всегда предвещало грипп. А ведь в поезде он спал – правда, на верхней полке, откуда боялся свалиться, да еще уткнувшись носом в сложенный пиджак, потому что подушки тут не внушали ему доверия. Спать-то он спал, но тем неглубоким сном, когда слышишь, как стучат колеса на переездах, и все время страдаешь от невыносимой жары. Тем неглубоким сном, сквозь который доносятся все сообщения громкоговорителей на вокзалах, а тебя терзают глупые страхи: боишься крушения, неполадок с отоплением, кражи лежащего под головой бумажника, бог знает чего еще.

Он вышел из поезда на Лионском вокзале без кашне, в расстегнутом пальто. В Марселе всю эту бесконечную неделю было жарко, как летом. Перед глазами у него еще стояла ослепительная улица Канебьер, какой он увидел ее однажды в три часа дня, когда шел к Старому порту, а солнце светило ему прямо в лицо. Увидел легкое колыхание светлых платьев, под которыми угадывалось кипение пышных нижних юбок, отчего ему всегда становилось немного не по себе. А теперь он подхватил грипп. Так ему и надо.

Он сам не знал, почему ему так и надо. Может, тут дело в тех девицах, в его застенчивости, в том, что в свои тридцать восемь он так одинок. В его завистливых взглядах, которых он стыдился, но которые ему не всегда удавалось скрыть, когда навстречу попадалась молодая, счастливая и богатая парочка. Из-за всей этой глупости, от которой ему становилось не по себе…

Он вспомнил Марсель – пребывание там стало для него настоящей пыткой, куда более мучительной, чем весенние месяцы в Париже, – вспомнил один вечер в Марселе, ровно двое суток назад. Глупо, но он тут же поднял глаза. Еще когда он был ребенком, у него появилась такая привычка: желание удостовериться, что никто не угадал твоих мыслей. Тридцать восемь лет.

Впереди, через ряд от него, какая-то девушка читала «Монд». Он повернул голову, понял, что они уже проехали Шатле, а он еще не прочитал в газете ни строчки.

Сегодня он ляжет пораньше. Поужинает, как всегда, в ресторане «У Шарля», на первом этаже своего дома. Уборкой же займется завтра. Посвятит этому все воскресное утро.

В газете – он так и не начал ее читать, а лишь машинально перебегал глазами от абзаца к абзацу – он вдруг увидел свое имя, но это лишь на мгновение привлекло его внимание. По-настоящему он заинтересовался заметкой, только когда двумя строчками ниже наткнулся на предложение, где речь шла о ночи, о спальных местах, о поезде.

Он прочел всю фразу, из которой узнал лишь о том, что прошлой ночью что-то произошло в одном из купе «Фокейца». Он прочел предыдущие две строчки и понял, что некто, по имени Кабур, занимал одну из полок в этом купе.

Ему пришлось раздвинуть локти, чтобы развернуть газету и вернуться к первой странице, где было напечатано начало заметки. Его сосед что-то недовольно буркнул и подвинулся.

При виде фотографии, помещенной на первой полосе, у него перехватило дыхание. Несмотря на невысокое качество газетного клише, изображенная на нем женщина обладала вполне узнаваемыми чертами не слишком приятного тебе человека, с которым ты недавно, слава Богу, расстался, надеясь, что навсегда, и вдруг встречаешь его на первом же углу.

Глядя на черно-серый отпечаток, он отчетливо представил себе цвет ее глаз, густые волосы, ослепительную улыбку, которая вчера вечером, в начале их путешествия, определила все дальнейшее: и глупую надежду, и пережитое им в чет-

верть первого унижение. Он вдруг почувствовал запах ее духов, показавшийся ему неприятным, когда эта женщина, стоявшая рядом с ним, повысила голос и, повернувшись, резко дернула плечом, как это сделал, заметив «окно» в защите, как-то субботним вечером в начале программы в Спортзале тот боксер, маленький и напористый смельчак с недобрым взглядом.

Сердце отчаянно колотилось, казалось, оно подступило прямо к горлу, и он даже тремя пальцами – большим, средним и указательным – дотронулся до шеи.

Он инстинктивно перевел взгляд на окно, чтобы посмотреть на свое отражение, и понял, что автобус едет уже по Страсбургскому бульвару, скоро конечная остановка.

Он прочел заголовок над фотографией и несколько первых строк заметки, затем сложил газету.

В автобусе оставалось человек десять. Он вышел последним, с кое-как сложенной газетой в правой руке.

Пересекая площадь перед Восточным вокзалом, он вновь уловил запахи, связанные теперь у него с поездкой, услышал знакомые звуки, на которые никогда не обращал особого внимания, поскольку проходил здесь каждый вечер. За ярко освещенным зданием вокзала раздался свисток, поезд с грохотом тронулся.

Задушенную женщину обнаружили на нижней полке купе после прибытия поезда. Ее имя было установлено, Жоржетта Тома. Для него же накануне она была всего лишь позоло-

ченной монограммой «Ж», которую он увидел на ее сумочке, глубоким, чуть глуховатым голосом, спутницей, любезно предложившей ему сигарету «Винстон», когда они обменялись несколькими словами в коридоре. Он не курил.

Перейдя площадь и оказавшись на тротуаре, он не выдержал и снова развернул газету. Но он остановился довольно далеко от фонаря и не смог ничего разобрать. Так, с развернутой газетой, он толкнул застекленную дверь ближайшего пивного бара, чуть было не передумал, когда его обдало горячим воздухом и гулом голосов, но затем сощурившись вошел. Он прошел через переполненный зал и отыскал место на диванчике рядом с тихо переговаривавшейся парочкой.

Он сел, не снимая пальто, разложил газету на блестящем красном столике, для чего пришлось отодвинуть два порожних бокала, стоявших на мокрых картонных кружках.

Соседи по столику взглянули на него. Обоим, должно быть, было лет по сорок, мужчине, возможно, и больше, выглядели они усталыми, грустными, как люди, у каждого из которых есть своя жизнь и которые встречаются на часок после работы. Рене Кабуру они показались некрасивыми, в них было даже что-то отталкивающее: оба не первой молодости, подбородок у женщины оплыл, а дома ее ждут муж и дети, вот так.

Подошел официант, убрал посуду. Рене Кабуру пришлось приподнять газету. Официант вытер стол мокрой тряпкой, оставлявшей после себя влажные следы, которые тут же на

глазах исчезали. Кабур заказал кружку пива, как и у Орлеанских ворот, как и утром, когда, оставив дома чемодан, зашел в бистро на углу.

Его мучила жажда, но он даже не заметил, как официант поставил перед ним кружку. Погруженный в чтение, он только почувствовал, что она уже на столе, и, не поднимая головы, протянул к ней руку. Пока он пил, не отрывая глаз от заметки, на газету упали две капли пива.

Та женщина демонстрировала косметические товары. Она сама ему об этом сказала. Как и то, что провела четыре дня в Марселе. Ожерелье он тоже помнил, потому что очень близко видел замок у нее на затылке, когда наклонился к ней, прежде чем это сделать.

Ее нашли лежащей с открытыми глазами на нижней полке, одежда была в беспорядке. Эта картина неотступно стояла у него перед глазами, пока он не дочитал заметку до конца. Тут была масса излишних подробностей: слегка задранная юбка, и черные лодочки на высоких каблуках, и следы от разорвавшегося ожерелья на шее.

Она жила в маленькой двухкомнатной квартире неподалеку от площади Пигаль. Консьержку уже успели допросить.

Консьержка, говорилось в заметке, «утирала слезы платком». Она очень уважала свою жиличку: Жоржетта всегда улыбалась, хотя ей не слишком везло в жизни. Развод в двадцать пять лет. Она из тех, кто честно работает. А Богу известно, что таких не слишком много в их квартале: куда

больше тех, кто плывет по течению. Конечно, у нее бывали мужчины, но консьержка считала это ее частной жизнью, в конце концов, она была свободной, бедняжка.

Рене Кабур представил себе лампу под абажуром в комнате с задернутыми шторами, единственное светлое пятно среди окутавшей комнату темноты. Реплики шепотом. Мужчина, вероятно, высокий, смазливый, с фатоватой, самодовольной улыбкой покорителя женских сердец. Где-то на границе света и тени на пол спадает юбка, ослепительная белизна обнажившейся кожи, соблазнительные изгибы бедра или плеча. Ее частная жизнь.

Он допил свою кружку, и снова две капли пива упали на газету. Черные лодочки. Женщина со спокойной улыбкой, предложившая ему сигарету в коридоре. И еще этот недобрый взгляд маленького боксера в Спортзале. Все эти мужчины раздевали ее, держали в объятиях, возбужденную, на смятых простынях, их грубые руки касались ее бедер, плеч. А он, с его нелепым поступком вечером в Марселе, и это нестерпимое желание овладеть ею, когда он помогал ей снять с верхней полки чемодан, и весь этот странный день после того, как он покинул Лионский вокзал, а вот теперь эта газета.

Он подумал, что даже рад, что она умерла, что ее нашли мертвой.

Расследование, должно быть, еще только началось, когда вышла газета. Полиция располагала списком всех пассажи-

ров купе. Их приглашали явиться в полицейскую префектуру или в комиссариат своего квартала. Надеялись получить от них дополнительные сведения о том, что произошло в поезде до убийства. Предполагалось, что убийство было совершено после прибытия поезда, во время вокзальной сутолоки.

Поскольку убийство вряд ли было совершено с целью ограбления, комиссар Таркен и его помощники из уголовной полиции рассчитывают в скором времени найти виновника. Вот и все.

Рене Кабур знал, что толчеи по прибытии поезда не было. Пассажиры, стоявшие с чемоданами в коридоре, спокойно выходили один за другим. Кое-кто передавал чемоданы через окно. На платформе по мере приближения к контрольному пункту поток пассажиров увеличивался, обтекал вас со всех сторон. Приехавшие вытягивали шею, становились на цыпочки, чтобы поверх голов разглядеть тех, кто пришел их встречать.

Никто не встречал Рене Кабура. Он это знал, и ему не терпелось поскорее покинуть купе, поезд, вокзал. Он первым вышел из купе, одним из первых – из вагона, с первой волной тех, кого никто не встречал, покинул вокзал.

Он в четвертый раз перечитывал список фамилий, опубликованный в газете, пытаясь определить, кто из пассажиров занимал ту или другую полку. Риволани, вероятно, был тот мужчина с редкими волосами, в кожаном пиджаке и с фибровым чемоданчиком с потертыми углами; Даррес – та

молодая девушка, что села в Авиньоне, она еще улыбнулась ему в коридоре, когда он болтал там с женщиной, на сумке у которой имелась монограмма «Ж». Нет, это не она, раз у Тома, убитой, билет был на два номера больше, а нечетные полки находятся слева, тогда как четные – справа. Он уже ничего не понимал. Он проверил номер своего места.

Так и есть. Нижнюю полку слева занимал мужчина в кожаном пиджаке, Риволани. Справа внизу – Даррес, блондинка лет сорока, накрашенная, манто из леопарда или из того, что он принял за леопарда. Полку слева занимала девушка, севшая в поезд в Авиньоне. Она тоже была белокурой, лет двадцати или чуть больше, и на ней было светло-голубое пальто и скромное легкое платье, с бантом спереди. Среднюю полку справа занимала Жоржетта Тома, и Рене Кабур снова увидел ее круглые колени и то, как она на мгновение приподняла юбку, когда хотела снять с полки свой чемодан. Слева, на верхней полке, спал Гароди. Рене Кабур совсем не помнил его. Не обратил внимания. Или, вернее, вспомнил: место еще не было занято, когда сам он улегся около половины первого на верхней полке справа. Потом он слышал чей-то голос.

Он взглянул на стоявшего перед ним официанта. У того кончался рабочий день, и он хотел получить по счету.

Доставая мелочь из кармана, Рене Кабур обнаружил там телефонный жетон. Он вспомнил, как дождливым вечером в тесной кабине, пахнувшей мокрыми опилками, в одном из

бистро на Страсбургском бульваре, неподалеку отсюда, он пытался недели две назад дозвониться до одного сослуживца, сказавшего ему, что он любит бокс. Телефон не ответил.

Официант, получив деньги, произнес несколько ничего не значащих слов о субботних вечерах, о зиме, покачал головой и с перекинутой через руку салфеткой удалился усталым шагом человека, который весь день провел на ногах.

Рене Кабур взглянул на фотографию женщины на первой странице, аккуратно сложил газету и положил ее рядом с собой на диванчик.

Кружка перед ним была пуста. Он положил на картонный кружок свой телефонный жетон. Электрические часы над стойкой показывали семь часов или около того. Парочка, сидевшая за его столом, давно ушла.

Рене Кабур откинулся на спинку диванчика, прикрыл глаза, которые слепил слишком яркий свет неоновых ламп.

Может быть, это движение и заставило его решиться. Он устал, он чувствовал, что проведет воскресенье дома, борясь с гриппом, между смятой постелью, газовой плиткой, которую ему следовало починить сто тысяч лет назад, чашкой, которую он не будет мыть, хотя она сделается липкой после нескольких выпитых грогов. Ему не хотелось сейчас возвращаться к себе, в этом все дело, наверняка в этом. Хотелось поговорить с кем-нибудь, кто выслушал бы его, для кого он в течение нескольких минут представлял бы достаточно интереса, чтобы он его выслушал.

Он взял жетон в правую руку, поднялся, поискал глазами в зале, вдруг наполнившемся шумом, телефон.

Он спустился на несколько ступенек. В кабине, в которой свободно могло поместиться несколько человек и стены которой были испещрены надписями и рисунками, он вдруг понял, что не знает, кому звонить. В газете говорилось об уголовной полиции или комиссариате квартала.

Он поискал номер уголовной полиции в справочнике Боттена, без обложки. Нашел телефон префектуры. Он думал о коленях покойницы, об описании, данном в газете: черные лодочки, следы от ожерелья на шее. Он пытался думать лишь о том, что он должен будет сказать. Окажется ли он первым пассажиром купе, позвонившим в полицию?

Голос у него сорвался, когда он произносил «алло», он кашлянул, чтобы прочистить горло. Он сказал, что приехал в «Фокейце», что ехал в купе, о котором говорится во «Франс Суар», что фамилия его Кабур.

Он невольно произнес эти последние слова таким решительным, таким требовательным тоном, что на другом конце провода ответили: «Ну и что?»

Там никто не знал о случившемся. Сказали, что выяснят. Ему придется подождать. И потом, ему следовало звонить по другому телефону. Он ответил, что не знал этого.

Он ждал, положив голову на руки, прижав потрескивающую трубку к уху, жалея уже, что позвонил.

Теперь он безуспешно пытался собраться с мыслями,

вспомнить все об этой поездке, точно определить, что он должен сказать. Он помнил лишь улыбку девушки, которая села в поезд в Авиньоне. Как ее звали? Он не знал.

Он сел в поезд за полчаса до отхода. Кто-нибудь уже находился в купе? Вроде никого. Хотя нет, был паренек, паренек лет пятнадцати. Белокурый, грустный на вид, в мятом костюме из твида. Нет, он был не в купе, а стоял у дверей. Вероятно, вышел из соседнего купе.

Рене Кабур сразу же снял пальто и положил его на свою полку, верхнюю справа. Мужчина в кожаном пиджаке и белокурая дама появились как раз в ту минуту, когда он спрыгивал на пол, он даже испугался, что ему сделают замечание, потому что он встал ботинками на нижнюю полку.

Жоржетта Тома появилась гораздо позже, за минуту или две до отхода. Он стоял в коридоре. Ему пришлось посторониться, чтобы пропустить ее в купе, так как в коридоре было полным-полно пассажиров, прощавшихся через окна с провожающими. Он почувствовал запах ее духов. Подосадовал про себя на то, что в купе будут женщины и он не сможет раздеться. А потом подумал что-то еще, что-то очень глупое, сказал сам себе, что все это глупости, и тут же выкинул из головы.

– Я не забыл о вас, – сказал голос на другом конце провода. – Еще минутку, и я вас соединю. Не вешайте трубку.

Быть может, остальные пассажиры еще не успели прочитать газету и не звонили? Ему казалось, что он вновь ощу-

щает атмосферу, царившую в поезде, что-то такое, что пришлось ему по душе, само купе, полки, где каждый устраивался как мог, совместное путешествие. Возможно, их соберут вместе в качестве свидетелей, устроят очную ставку. Они будут ждать, сидя рядом на скамье в комнате с плохо выкрашенными стенами. И все будут слегка волноваться.

– Я слушаю, – сказал чей-то голос.

Рене Кабур повторил, что он приехал утром в «Фокейце» и его фамилия указана во «Франс-Суар».

Короткий резкий щелчок, отчего у него даже заболели уши, и уже другой голос сказал: комиссар Таркен еще не вернулся, его соединят с инспектором Граццианo. Рене Кабур вспомнил американского боксера среднего веса, выступавшего на ринге во времена Сердана. У инспектора была та же фамилия, что и у боксера.

Прямо над столиком, в который он упирался обоими локтями, у самых глаз он увидел непристойный рисунок: половой акт, изображенный шариковой ручкой, и тут же кто-то, подписавшийся инициалами Ж.Ф., двадцати двух лет, писавший с орфографическими ошибками, назначал свидание на том же месте, ежедневно в 16 часов. Он повернул голову и увидел повсюду подобные надписи.

– Инспектор Граццианo?

Да, это он. Он в курсе дела. Он называл его «господин Кабур», как те клиенты, с которыми он целыми днями разговаривал по телефону из своего кабинета на площади Але-

зии. Голос был четким, глубоким – голос диктора на радио. Рене Кабур представил себе могучие плечи, засученные до локтя рукава, лицо, налитое накопившейся к семи часам вечера усталостью.

Инспектор с фамилией боксера сказал, что он сейчас возьмет ручку и листок бумаги, потом повторил, что слушает, и тут же сам снова заговорил:

– Имя, возраст, адрес, профессия.

– Кабур, Рене Кабур. Мне тридцать восемь лет. Я директор отдела сбыта бытовых электроприборов фирмы «Прожин». «Прогресс»… Да, именно так, «Прожин». Нет, я нахожусь в пивном баре около Восточного вокзала. Живу на улице Синор, совсем рядом. Как только я прочел обо всем этом во «Франс Суар»… Так вот, то есть, ничего особенного, но я подумал, что должен вам позвонить…

Он правильно сделал. Какое место он занимал, подождите, я взгляну, 226-е, верно?

– Да, верхнюю полку справа от входа, вот именно.

– Вы сели в Марселе?

– Да. Вчера вечером.

– И вы не заметили ничего особенного во время пути?

У него чуть было не вырвалось, что ему не так часто приходится ездить в поезде и ему все казалось «особенным», но в конце концов он ответил:

– Нет, ничего.

– Когда вы вышли из поезда?

– Сразу по прибытии. Я хочу сказать, почти сразу.

– А когда вы выходили из купе, тоже ничего особенного?

Это слово вызвало у него желание рассмеяться, глупо рассмеяться, оно звучало теперь, когда он его слышал, как-то нелепо. Он сказал:

– Нет, ничего, но я могу заверить, что в ту минуту женщина была еще жива.

– Вам она знакома?

– Вы хотите спросить, знаю ли я, о ком идет речь? Я же видел фотографию…

– Были ли еще женщины в купе?

Они этого не знают. Значит, пока никто еще им не звонил. У него возникло странное чувство: первым приехал на вокзал, первым вышел из вагона, стал первым свидетелем.

– Да, были еще две женщины. Одним словом, те, кого я видел.

– В списке указаны только фамилии, – сказал инспектор Граццианo, – а вы первым из пассажиров купе нам позвонили. Не могли бы вы описать нам остальных?

Рене Кабур ответил: «Конечно». Но он оставил газету в зале, и это его раздосадовало.

И в то же время он был слегка разочарован. Ему и в голову не приходило, что допрос будет вестись по телефону, в этой кабине, где он уже успел вспотеть, перед неумелыми рисунками, от которых он не отводил взгляда, но которых словно и не видел.

– Послушайте, может, было бы лучше мне к вам приехать?

– Сейчас?

Наступило молчание, затем голос диктора ответил, что это было бы весьма любезно с его стороны, но уже восьмой час, а тут у него еще полно другой работы. Лучше будет, если один из инспекторов зайдет к нему завтра утром, или же он сам, если это его не затруднит, заедет к ним на набережную Орфевр часам к десяти. Это его не затруднит?

Рене Кабур ответил: «Конечно, нет», но затем ему стало неловко, и он добавил, что постарается перенести назначенное свидание.

– Хорошо. Я сейчас назову вам фамилии остальных пассажиров и укажу места, которые они занимали. Попытайтесь вспомнить. Риволани, внизу слева: мужчина или женщина?

– Мужчина. На нем был кожаный пиджак. Зеленый, если не ошибаюсь. У него был старый дешевый чемодан. Знаете, с потертыми углами. Он был не слишком разговорчив. Сразу же лег, не раздеваясь, и, должно быть, уснул.

– Сколько ему лет?

– Сорок пять, пятьдесят. Похож на мастерового, вероятно, механик или что-то вроде этого. Он еще спал утром, когда я пошел умываться в туалет. Мне пришлось постоять в очереди. Вы знаете, как это в поездах бывает? Потом, признаюсь, я его как-то больше не заметил.

Инспектор нашел, что все это очень интересно.

– Даррес – внизу справа?

– Женщина, лет сорока пяти, а может, и больше. Трудно сказать – слишком много косметики. Манто из леопарда или под леопарда. (Он никогда не разбирался в мехах.) Блондинка, сильно надушена, когда говорит, любуется собственным голосом. Как бы сказать (он поколебался немного, подбирая нужное слово, он не был уверен, что полицейский его поймет), она все время рисуется. Она отправилась переодеваться в туалет через час после отхода поезда. И вернулась в розовом халате поверх розовой пижамы. Она сосала мятные леденцы для горла и даже предложила их жертве…

Он говорил много лишнего. Он никогда не умел сразу перейти к главному. Он сказал, что это все. И в то же время он помнил, что блондинка говорила о фильмах, Лазурном береге, театрах, помнил также, что утром она встала первой, – когда он спустился со своей полки, то увидел, что она уже одета и совсем готова к выходу, а вещи ее стоят рядом с ее полкой. В конце концов он сообщил и эти подробности.

Инспектор сказал «хорошо», они вечером вышли на след некой Элианы Даррес, актрисы, вероятно, она и есть эта самая женщина.

– Бомба – вторая полка слева?

– Молодая девушка, белокурая, не очень высокая, хорошенькая, лет двадцати. Она села в Авиньоне, да, именно так. У нее был вид мелкой служащей, нашедшей место в Париже. Говорила немного нараспев. Вообще чувствовался южный акцент.

– Гароди – на верхней полке, слева.

Он не знал. Полка не была занята.

Инспектор произнес «вот как», все билеты были проверены контролерами, и полка, согласно акту осмотра купе, который лежит у него перед глазами, была действительно занята.

Рене Кабур ответил, что его неправильно поняли, он просто не видел пассажира, место не было занято, когда он поднялся на свою полку.

– В котором это было часу?

Это было глупо. Он не колеблясь солгал.

– Одиннадцать или четверть двенадцатого, не помню. Потом я слышал какой-то голос. Сон у меня чуткий, я плохо спал.

– Вы слышали голос человека, занимавшего соседнюю полку, Гароди. Я вас правильно понял?

– Да, это так. В общем, я полагаю, это был ее голос. Она, должно быть, говорила с девушкой, лежавшей на полке под ней. Я думаю даже, что она свесилась со своего места, и они довольно долго болтали.

– Почему вы говорите «она»?

– Потому что, как я полагаю, это была женщина.

– Что позволяет вам так думать?

– Это был высокий голос, не похожий на голос мужчины. И потом, это трудно объяснить, я сплю очень чутко, я чувствовал, как она поворачивалась на своей полке. Это была женщина.

– Вы хотите сказать, что судите по звукам, которые до вас доносились?

– Да, это так.

Теперь инспектор заговорил о жертве. Рене Кабура снова мучила жажда. Ему захотелось открыть дверь кабины, где ему стало трудно дышать. Рубашка его прилипла к спине, и капли пота стекали с висков и подбородка.

Он немного поболтал с Жоржеттой Тома в коридоре вагона. Она сказала ему только, что демонстрирует товары. Но имени своего не назвала. Да, сказала еще, что провела четыре дня в Марселе. Это ее третья поездка туда в этом году. Нет, она казалась совершенно спокойной, в ней не чувствовалось никакой напряженности.

Утром, когда он вышел в коридор, она еще находилась в купе. Они все еще были там. Нет, действительно, Гароди там не было. Он сказал так, потому что не видел ее и в его представлении она как бы не была связана с их купе.

– Вот так!

Он назвал номер своего дома на улице Синор, номер служебного телефона, пообещал быть завтра точно в десять на набережной Орфевр. Комната 303, четвертый этаж.

Голос диктора поблагодарил и умолк, послышался щелчок, но Рене Кабур не испытал облегчения.

Открывая дверь кабины, он прочел еще одну надпись на стене, секунду постоял неподвижно, чувствуя приток свежего воздуха.

Он из числа этих людей. Однажды в четверть первого в поезде он оказался одним их них, одним из тех ничтожеств, которые исписывают стены подобными гадостями. Он ничего никогда не писал на стенах, но это не имеет значения.

Граццано. Подняв воротник пальто, Рене Кабур вышел на окутанную полумраком привокзальную площадь, размышляя над тем, успеет ли инспектор завтра, до встречи с ним, поговорить с другими пассажирами купе и не будет ли он считать его пачкуном, сексуальным маньяком.

Напрасно он солгал по поводу того, в котором часу лег спать. Зачем? Кто-нибудь наверняка слышал: она говорила очень громко, почти кричала. Все равно узнают, что между ними в коридоре произошла какая-то ссора, каждый истолкует эту ссору по-своему, но все вспомнят, который был час, было ли это до или после проверки билетов. Контролеры это подтвердят.

Ложь. Поскольку он солгал один раз, ему больше не станут верить. А раз он попытался скрыть эту ссору, значит, она имела какое-то значение. Тут смогут увидеть обиду больного человека, а возможно, и мотив преступления. Причину ссоры нетрудно будет установить. И он мог бы выйти из поезда, затем, чуть позже, вернуться в вагон и, застав женщину в черных лодочках в купе одну, наброситься на нее. Она бы стала отбиваться, кричать. Он же, чтобы заглушить эти крики, мог задушить ее.

Но нет.

Стоя перед зеркалом, висевшим над умывальником, в своей комнате на шестом этаже, в комнате со скошенным потолком, где вот уже целую неделю все валялось в беспорядке – одежда, горшочки с кактусами, грязная посуда, – Рене Кабур проглотил две таблетки от гриппа и запил их стаканом воды, стараясь убедить себя, что ничего подобного завтра не произойдет.

Во-первых, он вполне мог перепутать, в котором часу лег спать. Главное – самому рассказать об инциденте, как о чем-то несущественном, прежде чем кто-нибудь другой успеет это сделать.

Он очень ясно представил себе, какие ему следует сделать жесты, как непринужденно он должен себя при этом вести. Он лишь мельком упомянет об этом эпизоде, с легкой улыбкой, покачав головой, как бы говоря: «С этими женщинами, знаете…»

Он скажет: «Эти бабенки, знаете». Он скажет: «Мы стояли вдвоем в коридоре. Она сама меня спровоцировала. Вам известно, как это бывает. Такое сразу чувствуется. Я прижал ее. Сами понимаете. Право, жаль, между нами говоря, что такую привлекательную особу, с такой фигурой, вот так убили… Одним словом, она вдруг вспылила, стала из себя что-то строить, и я пошел спать».

И он тут же заговорит о другом. Это будет шуткой в мужской компании, всего-навсего.

Стоя перед зеркалом и глядя на себя так, как он смотрел в

кабине на непристойные рисунки, не видя их, он почувствовал себя вдруг еще более подавленным. Он знал, что не сможет сыграть эту роль, произнести эти слова. Все будет выглядеть еще глупее. Он сам выложит им всю правду, что-то такое жалкое, унизительное, что всем станет не по себе. Он будет что-то бессвязно бормотать, покраснеет, может быть, даже заплачет. Им придется помочь ему натянуть пальто, его постараются выпроводить, не зная, что сказать, и вздохнут с облегчением, когда за ним закроется дверь. Жалкий тип.

Рене Кабур, успевший уже снять пальто, снова натянул его, застегнулся. Он не мог больше оставаться в этой комнате. Он пойдет куда-нибудь поужинать, все равно куда. Он взглянул на чемодан, лежавший на не убранной с прошлой субботы постели, хотел было надеть фуфайку, достать другую пару перчаток. Потом передумал, вышел, погасив верхний свет и оставив зажженной лампу над умывальником, которая продолжала освещать пустое зеркало.

Перед ресторанчиком «У Шарля» он на минуту задержался. Было уже около девяти часов. Он увидел через оконное стекло хозяина ресторана, подсчитывающего дневную выручку. В зале сидел всего лишь один посетитель, молодой блондин, он поднял голову и посмотрел на него, раскрыв рот, к которому подносил кусок бифштекса. Засунув руки в карманы пальто и подняв воротник, Рене Кабур зашагал дальше.

Он шел, думая о женщине в темном строгом костюме, с длинными ногами в нейлоновых чулках, такой, какой она за-

помнилась ему после чтения «Франс-Суар». Он жалел, что оставил газету на диванчике в пивном баре. Ему бы хотелось перечитать статью, еще раз взглянуть на фотографию.

Зачем он, черт побери, позвонил по телефону? В этом темном городе, который никогда, да, именно никогда, так и не станет его городом, наверняка живут десятки Кабуров. Его бы ни за что не нашли.

Имя Граццианo напомнило ему о боксере, боксер – о Спортзале, Спортзал – о встречах, происходящих там по субботам, а сегодня как раз суббота.

Ему подумалось, что посещения Спортзала – единственные за последние годы приятные минуты в его жизни.

Он решил было сначала спуститься в метро, потом передумал: еще только начало месяца, а на Рождество он ждет прибавки к жалованью. И чуть не бегом направился к Восточному вокзалу в поисках такси.

У вокзала он и впрямь побежал. Кто-то, вероятно, опаздывающий на поезд, бежал за ним следом.

Рене Кабур толкнул проходившую парочку, извинился, открыл дверцу машины и крикнул шоферу:

– В Спортзал!.. На бокс!

Он тяжело дышал. Девять часов. Первый раунд, должно быть, уже начался. Он, вероятно, на него не поспеет. А ведь именно после той первой встречи в три раунда боксеров-любителей он пристрастился к этим вечерним субботним вылазкам. В 57-м году, в феврале месяце. Два боксера лег-

чайшего веса, до 53 килограммов, маленьких, с маленькими злыми лицами.

Он пришел в Спортзал за компанию со старым школьным товарищем, который приехал в Париж на неделю и должен был вернуться в Жиронду, откуда и сам Кабур был родом. Град ударов, угрюмые взгляды, которыми обменивались маленькие боксеры во время отдыха. Но дело было не в этом. Когда один из боксеров, вышедший на ринг с простым полотенцем на плечах, упал с обреченным лицом, запутавшись руками в веревках, а его противник наносил, наносил и наносил ему все новые удары, пока рефери не схватил его в охапку и не оттащил в сторону, в зале поднялся невероятный шум, раздались громкие крики, грохот отодвигаемых скамеек, и вся толпа вскочила со своих мест, словно взмыла вверх огромная волна. И вот тогда-то все и произошло. Именно в эту минуту.

Рене Кабур вскочил вместе со всеми, он вопил, как и все, стараясь разглядеть, как пытается оторваться поверженный боксер и как пританцовывает от нетерпения боксер-победитель, и только позднее, гораздо позднее, он почувствовал, что у него болят ладони от яростных хлопков, а он снова стал самим собой, то есть ничем, стал человеком из толпы.

В следующий раз он поехал в Спортзал один, и все повторилось. Со временем он стал узнавать завсегдатаев, обменивался с ними прогнозами, в перерыве они угощали друг друга стаканчиком вина в бистро по соседству, и он испытывал

удовольствие от сознания, что наступил субботний вечер и что после пустой недели снова наступит суббота.

Выходя из машины перед Спортзалом, Рене Кабур подумал, что уж на этот раз он наверняка будет последним. Но нет, тут же остановилось еще одно такси. Из него вышла женщина – одна, без спутников, она напомнила ему женщину из поезда, потому что тоже была брюнеткой.

Он пропустил ее у кассы, когда она подошла купить билет. Она была молода, но выглядела уже усталой, на ней было скромное черное пальто, в руках она держала сумочку, прижимая ее к груди, словно боялась потерять. Он увидел ее руки, натруженные, покрасневшие от стирки. Возможно, она жена одного из боксеров, указанных в программе, она будет ждать его в раздевалке после окончания матча, разделяя в душе безумные мечты своего муженька о больших гонорарах, удобной квартире, громком имени, редкой удаче.

Он посмотрел три встречи боксеров-любителей, но не испытал при этом обычного удовольствия, ради которого приехал. Он думал о вечерах, проведенных в Марселе в маленькой гостинице на авеню Республики, в жалкой комнатенке – каждый франк был у него на счету – постельное белье пахло лавандой, а в соседнем номере – и это было всего двое суток назад – находилась парочка, он слышал их ссоры и то, что за ними следовало. Он как раз только что вернулся. И держал в руках портфель с деловыми бумагами. Он просидел так, неподвижно, на постели, не снимая пальто, не осме-

ливаясь перевести дыхание. Стоны женщины слышались совсем рядом, по ту сторону перегородки, так близко, что он мог разобрать отдельные слова, а потом вдруг раздались короткие крики, которые явно срывались с человеческих уст, но напоминали резкие крики маленького зверька…

Он просидел так довольно долго: может, два, а может, и три часа. Он слышал, как они смеются. Он знал, что они лежат обнаженные на смятых простынях по другую сторону перегородки. Знал о ней вещи, которые знал только ее любовник. Что она, например, не сняла своего жемчужного ожерелья. Она купила его в Париже. Что у нее черные длинные волосы, спускающиеся до пояса. Они смеялись, ссорились, потом снова наступало молчание, и снова ее смех, и снова стоны и негромкие животные крики, невнятное бормотание, и картины, которые все это у него вызывало.

Он никогда не видел этой женщины. Он вышел из гостиницы, долго бродил по безлюдным улицам. Затем вернулся в номер. Их больше не было слышно. Они ушли.

Зрители медленно поднимались вокруг. Наступил перерыв. Он не осмеливался взглянуть в глаза соседям. Он спустился в туалет, смочил холодной водой горячий лоб. Глупо было с его стороны выходить из дому. У него уже жар. Он наверняка заболеет.

Завтра он встретится с инспектором в 303-й комнате на четвертом этаже. Он просто расскажет все, что произошло. Что он одинок, некрасив, что он всегда был таким, а в Мар-

селе одна женщина, которой он даже не знал, сказала ему через перегородку, что он жалкий тип, просто так, потому, что ей доставляло безумное удовольствие заниматься тем, чем, как ему, бог знает почему, казалось, женщины занимаются либо из чувства долга, либо за деньги. Что после этого он несколько часов бродил по улицам, и даже когда на Марсель уже спустилась ночь, поплакал на скамейке, бог знает где, плакал, не в силах сдержать рыданий, как в детстве. Что он никогда ничего не понимал в жизни, в той увлекательной игре, которая так забавляла других и правила которой они, бог знает откуда, узнали. И вот он сел в ночной поезд, где все ему казалось необычным, «особенным», и черноволосая женщина, доставая с полки чемодан, чтобы взять оттуда коробочку с таблетками аспирина, который она так и не приняла, показала ему свои колени. И в конце концов он убедил себя, несчастный болван, что аспирин был только предлогом, поводом завязать разговор. А она была очень красива, красивее всех женщин, с которыми ему приходилось разговаривать. И стояла совсем рядом, и он вдыхал запах ее духов, рассматривая замок ее жемчужного ожерелья. И это ожерелье напомнило ему другое, которое он никогда не видел. И вот в ту минуту, когда она, высунув голову в окно, смеясь, болтала бог весть о чем, ведь он даже не слышал ее слов, он доказал, что не знает правил, что он действительно жалкий тип.

Рене Кабур не слышал, как дверь в туалет за его спиной отворилась. И вот, когда он стоял в расстегнутом пальто, скло-

нившись над грязной, в трещинах раковиной, перед открытым краном, смачивая волосы и лоб холодной водой, забрызгивая пиджак, ему всадили пулю из револьвера чуть ниже затылка. Он не услышал выстрела, не увидел вспышки, не заметил даже, что кто-то появился в пустом туалете. Перерыв закончился уже около четверти часа назад.

Сперва он упал вперед, к висевшему над умывальником зеркалу, не понимая, почему он движется навстречу собственному изображению, не испытывая боли, все еще думая о том, что он скажет завтра. Но вдруг он сделал странный поворот и повалился на раковину, галстук его оказался в воде, которая продолжала течь из крана. Он думал, как он скажет им всем, да, всем, что, когда она высунулась из окна, он и сделал это, нет, он не прижал ее. Он не допустил ни одного из тех жестов, которые ему, вероятно, следовало сделать; его затопила безумная надежда (он уронил голову в раковину и стоял уже на коленях на выложенном плиткой полу в туалете), и он положил руку ей на плечо, да, на плечо, потому что только она, она одна могла его понять, и Богу известно, что она поняла (голова его уже погрузилась в воду). Она резко повернулась, дернула плечом, как боксер, который заметил «окно» в защите, может быть, хотела посмеяться над ним, но, увидев его лицо, должно быть, поняла, что это гораздо серьезнее, должно быть, прочла в его глазах что-то совершенно нестерпимое. Она разозлилась и закричала.

Он медленно соскользнул на пол, с мокрым лицом и за-

крытыми глазами, все еще думая: да, моя рука опустилась на ее плечо, вот так, и по-прежнему не понимая, что же такое было написано на его лице, чего она не смогла вынести, но раньше, чем он нашел ответ, он уже лежал ничком на выложенном плиткой полу, он был мертв.

Место 224

Жоржетта Тома улыбалась фотографу пленительной спокойной улыбкой. В этот день она надела не то белый жакет, не то пальто с белым меховым воротником, и волосы, обрамлявшие ее лицо, на котором выделялись ее светлые глаза, казались еще прекраснее и еще темнее. Она, должно быть, любила свои волосы, холила их, подолгу расчесывала, пробовала разные прически. Вероятно, ей нравилось все, что подчеркивало их красоту, и, видимо, поэтому в ее гардеробе преобладал белый цвет.

Человек в майке и пижамных брюках, Антуан-Пьер-Эмиль Гращциано, которого все звали просто Гращци, подумал, что шеф его, наверное, прав. Такую красивую девушку могли убить только из ревности, и преступник, возможно, уже льет слезы в полицейском участке своего квартала.

Он спрятал маленькую фотографию в красный сафьяновый бумажник, полученный в подарок на Рождество три года назад, и посидел так немного перед окном, облокотившись о стол и подперев ладонями подбородок. Прежде чем поставить кофе на плиту, – он мог дотянуться до нее, даже не вставая со своего табурета, – он раздвинул цветастые занавески и взглянул на скучный, сумеречный день, в котором не было ничего воскресного, на серенькое небо, которое, казалось, никак не могло решить, хмуриться ли ему и дальше.

За окном чахлая трава небольшого участка перед домом, который принято называть «зеленой лужайкой», впервые в этом году ночью покрылась инеем. А потому Грацци, собиравшийся пойти с сыном после обеда в Венсеннский зоопарк, теперь не так уже жалел, что не сможет этого сделать. Он постарается вернуться домой к обеду, возможно, воспользуется служебной машиной и немного побудет с Дино, пока мать не уложит его спать. Так что мальчик останется доволен.

На газовой плите засвистел итальянский кофейник. Грацци протянул руку и выключил газ. Затем, не вставая, взял кофейник и наполнил одну из двух стоявших перед ним чашек. Аромат горячего кофе ударил ему в нос.

Он пил кофе без сахара и думал о своем вчерашнем отчете, о квартире на улице Дюперре, небольшой, хорошо обставленной, сверкающей чистотой, с тем налетом слащавости, какой встречается в квартирах одиноких женщин, думал и о вдохновенных советах своего шефа, Таркена. Во-первых, влезть в шкуру самой красотки, узнать ее лучше, чем она сама себя знала, стать ее двойником, и так далее, и тому подобное. Понять ее нутром, если ты усекаешь, что я хочу сказать.

Все это прекрасно усекли. Один из инспекторов, Малле, так ясно представил себе Грацци в шкуре и платьях Жоржетты Тома, что, даже прощаясь, никак не мог унять смеха. Уже стоя в коридоре, примерно в половине девятого, он сказал ему: «Чао, куколка!» – и пожелал ему получше провести

время со своими мальчиками.

Видимо, само собой разумелось, что мужчин в ее жизни было немало. Сам Грацци в кабинете шефа невольно навел их на мысль, что любовников она меняла так же часто, как и белье.

А белья у нее было много, и очень хорошего, содержалось оно в идеальном порядке и было помечено с изнанки маленькой красной буковкой «Ж». Такими метками пользуются обычно в пансионах, эту буковку можно было увидеть повсюду: на комбинациях, трусиках, бюстгальтерах, даже на носовых платках. Целых два ящика, доверху набитых бельем. Белье было таким тонким и приятным на ощупь, что Грацци стало не по себе. И на всех вещах с изнанки пришита маленькая красная буковка.

В семь часов вечера в присутствии шефа и своих коллег Грацци недостаточно ясно выразил свою мысль. Или, вернее, пытаясь хоть что-нибудь выудить из своего красного блокнота, он высказал предположение, которое ему самому даже не принадлежало. Там, на улице Дюперре, роясь в шкафах и ящиках, Габер, молодой блондин, работавший вместе с ним, сказал, видимо, потому, что девица была очень хороша собой и на него как-то подействовали все эти буковки и нижние юбки: «Уж она-то наверняка не скучала».

В жизни убитой было трое мужчин, вернее, четверо, если считать мужа, с которым она не виделась уже несколько месяцев. Продавец автомобилей Арро, явившийся на набереж-

ную Орфевр к шести часам вечера, растерянный, с подобострастным видом. Боб, который где-то там учился, с ним ему предстояло встретиться утром. И молодой паренек, студент, живший на шестом этаже на улице Дюперре, в котором консьержка, вероятно, души не чаяла.

Однако лишь про первого из них можно было с уверенностью сказать, что он был ее любовником. Высокий, рыхлый, бесхарактерный на вид мужчина, занимавшийся ремонтом и перепродажей американских автомобилей, владелец гаража у Порт-Майо, на него не оказалось ничего компрометирующего в картотеке правонарушений, хотя по его виду можно было скорее предположить обратное. Он все время норовил уйти от прямого ответа и сказал, понизив голос, то ли потому, что речь шла о покойнице, то ли потому, что теперь он женат и это уже старая история, что «да, они действительно какое-то время были вместе».

Гращи продержал его двадцать минут. Рожа кирпича просит. И ничего в картотеке. Железное алиби на первые четыре дня октября и на субботу, когда было совершено убийство. Только что купил жене маленький «фиат» (новый, а не подержанный, Гращи уж и не помнил, откуда ему это известно). Бумаги в полном порядке. Хорошо сшитый костюм. До блеска начищенные ботинки. Бывший коммерческий директор парфюмерной фабрики. Там, на фабрике, он и познакомился с Жоржеттой Тома, в то время Жоржеттой Ланж, демонстрировавшей продукцию фирмы. Связь длилась пол-

года до ее развода и два с половиной года после, «какое-то время были вместе». Ничего сейчас о ней не знает. Не знает, были ли у нее враги, какие были друзья. Не понимает, как такое могло случиться. Вообще ничего во всем этом не понимает. Ему ее искренне жаль. Рожа кирпича просит.

Грацци налил кофе во вторую стоявшую на столе чашку, положил два куска сахара, поднялся, потер затылок. Услышал, как жена заворочалась в кровати.

В тесной передней, отделявшей кухню от спальни, кофе из налитой до краев чашки расплескался. Он сдержал готовое сорваться с языка ругательство, чтобы не разбудить малыша.

Жена, как и всегда, лежала с открытыми глазами. Грацци, спавшему обычно крепким сном и знавшему, что она встает по ночам поправить одеяло у Дино и дать ему попить, казалось, что она никогда не спит.

– Который уже час?

– Семь часов.

– Ты сегодня едешь туда?

Он ответил, что придется, хотя при этом немного и покривил душой. На самом деле никакой острой необходимости в этом не было. Он мог бы вызвать Кабура, Боба и родственников Жоржетты Тома на понедельник. Никто не торопил его, никто не поставил бы ему в упрек подобное промедление. Даже если бы убийца воспользовался этим и попытался ускользнуть от полиции, то было бы даже и лучше, его побег был бы равносилен признанию. Его бы начали искать и

в конце концов нашли бы.

Нет, ничто не вынуждало его, если не считать присущей ему неуверенности в себе, его всегдашней потребности иметь побольше в запасе времени, подобно тем не слишком способным ученикам, которые оттягивают экзамен до самой последней минуты.

Его жена Сесиль, хорошо его знавшая, дернула плечом, не осмеливаясь напомнить ему о прогулке в Зоопарк, но, чтобы как-то выразить разочарование, придралась к тому, что кофе то ли недостаточно крепок, то ли слишком сладок.

– Что тебе поручили?

– Женщину задушили в поезде на Лионском вокзале.

Она вернула чашку, зная уже, даже не спрашивая, что он не хотел, чтобы на него взвалили это дело, и теперь какое-то время будет досадовать от того, что не может оставаться на втором плане.

– А разве не Таркен этим у вас занимается?

– Он занят игральными автоматами. А потом, он не станет сейчас браться за дело, в успехе которого не уверен. Если все пойдет хорошо, он подключится. Если затянется, отвечать буду я. В январе его должны повысить в чине, и он не хочет до этого ставить себя под удар.

Грацци брился, стоя у зеркала, а перед глазами его снова возникла квартира Жоржетты Тома, он подумал, что она очень отличается от его собственной. Да и что может быть

общего между квартирой одинокой женщины в старом доме неподалеку от площади Пигаль и двухкомнатной квартирой с ванной и кухней в дешевом стандартном доме в районе Баньё, которую трехлетний мальчуган принимает за поле боя?

А ведь именно из-за этой ее квартиры с особой атмосферой полутонов и мягкого, ровного света он сказал совсем не то, что думал, не то, что можно было предположить. Спальня с кретоновыми занавесками, оборки на покрывале, маленькие столики и хрупкие безделушки – все это напоминало комнату засидевшейся в девушках секретарши. Крохотная кухонька, где все вещи лежали на своих местах. Умопомрачительная ванная комната, где стены и пол выложены белой и розовой плиткой, – она, вероятно, истратила на нее все свои сбережения – и стоит аромат косметики и дорогого мыла. Коротенькая ночная рубашка на вешалке, как та, что нашли у нее в чемодане. Пушистые, словно из меха, махровые полотенца всех цветов, помеченные, как и все ее белье, буквой «Ж». Белая резиновая шапочка на душевом шланге. Целый набор кремов на туалетном столике. И главное – зеркала. Они висели повсюду, даже на кухне. А в маленькой спальне, где центральное место занимала кровать, они, казалось, были подвешены с особым наклоном, что наводило на двусмысленные предположения. Стоя с намыленным лицом, надув щеки, Грацци вдруг вспомнил, что находится в своей квартире, перед своим зеркалом. Его бритва со скрипом оставила чистую полоску на лице.

У нее тоже лежит бритва в аптечке, но это ни о чем не говорит. У всех женщин есть бритва.

В квартире найдены письма, по большей части от торговца автомобилями, фотографии мужчин, которые она хранила вперемешку с семейными фотографиями и своими собственными в старой коробке из-под печенья.

Однако дело не в этом. В квартире было еще что-то, он сам не знал, что именно, что производило странное впечатление и позволило Габеру сказать: «Уж она-то наверняка не скучала». Маленькая спальня с подчеркнуто женской слащавой обстановкой. Или же роскошная ванная комната. Или маленькая несуразная красная буковка, которой обычно метят белье воспитанниц пансионов и которой помечено все ее белье.

– Скажи-ка мне…

Его жена вошла в ванную и взяла висевший за дверью халат. Грацци посмотрел на нее в зеркало, держа бритву у щеки.

– Чего ради станет женщина помечать буквой свое белье?

– Может быть, она отдавала его в стирку?

– Это начальная буква ее имени. А потом, разве женское белье отдают в стирку? Как ты считаешь?

Сесиль считала, что не отдают. Она подошла к зеркалу, мельком взглянула на себя, поправила волосы.

– Не знаю. Есть женщины, которые украшают вышивкой все свое белье. Бывают такие.

Он объяснил, что это не вышивка, а лишь маленький квадратик материи, пришитый с изнанки. Когда он жил в интернате в Ле-Мане, мать пометила так его пижамы, полотенца, все его носильные вещи. Но у него была цифра. Он и сейчас еще помнит ее: 18.

Сесиль не знала. Сказала лишь, что на то должна была быть своя причина. А может, у нее просто такая мания… Как бы то ни было, малыш скоро проснется. Он плохо ест последнее время. Нехорошо, если трехлетний ребенок никогда не видит отца за столом. Будет ли Гращи обедать сегодня дома?

Он пообещал вернуться к обеду, он думал сразу и о малыше, который стал плохо есть, и о Жоржетте Тома, которая по вечерам при свете настольной лампы пришивала эти маленькие буковки к отделанному кружевами белью.

Он сел в автобус, приходивший обычно пустым из Аи-ле-Роз, но не вошел в салон, а остался стоять на площадке, чтобы выкурить свою первую сигарету. У Орлеанских ворот в девять часов утра жизнь текла как бы замедленным темпом, но небо уже прояснилось, и улицы казались куда более нарядными, чем в Баньё.

В 38-м автобусе он уже предпочел сидеть. На остановке «Площадь Алезии» витрина фирмы «Прожин» напомнила ему, что утром он должен встретиться с человеком, позвонившим ему накануне. Как его зовут? Кабур. Быть может,

Габер уже отыскал остальных. Актрису Даррес. И Риволани. В справочнике Боттена оказалось всего лишь два Риволани.

Гращи представил себе, как до самой полуночи Габер звонит по всем телефонам, просит извинить его, пускается в объяснения, попадает в неловкое положение, и все лишь для того, чтобы сказать, когда Гращи придет:

– Ничего нового, патрон. Семьдесят три телефонных звонка, двенадцать раз меня посылали ко всем чертям, два раза напоролся на сумасшедших, один раз меня здорово обругал бакалейщик, который начинает работать на Центральном рынке в четыре часа утра, так что ты представляешь, для него разговор с полицейским в одиннадцать вечера…

– Я отыскал троих, патрон, – сказал Габер.

И часа не прошло, как он проснулся, а уже сидел свежевыбритый, раскрасневшийся от холода на краешке стола, но не своего, а Парди, молчаливого корсиканца, работавшего всегда без помощников, только накануне закончившего дело об аборте.

Войдя в помещение, Гращи снял пальто, помахал рукой двум дежурным инспекторам, которые курили у окна, обсуждая последние футбольные новости. У одной из дверей, устремив перед собой застывший взгляд, в куртке, без галстука, держась очень прямо, сидел мужчина в наручниках.

Не отрывая глаз от своей излюбленной головоломки (плоской металлической коробочки, по которой он указа-

тельным пальцем передвигал фишки с цифрами, отчего начинала кружиться голова), Габер сообщил, что спать он лег после полуночи, что государство потеряло еще несколько тысяч франков, которые пришлось потратить на телефонные разговоры, и что человеческая глупость не имеет границ.

– Кого тебе удалось найти?

– Сперва нашел актрису. Телефон не отвечал. Пришлось обзвонить около тридцати ресторанов, чтобы отыскать ее. Нашел ее «У Андре». Ты не представляешь, как разыгрывается аппетит, когда звонишь по телефону в ресторан. Слышен стук ножей, звон бокалов. С ума сойти.

– А еще кого?

– Риволани. Он шофер грузовика. Я разговаривал с женой. Он ездил в Марсель, у него случилась поломка, когда оставалось всего километров двадцать до города. Он оставил грузовик в гараже в Берре, а сам вернулся домой на поезде. У жены премиленький голосок.

– А кто третий?

– Третья – женщина, полка действительно была занята.

– Гароди?

Габер, завершив наконец свою головоломку, смешал все фишки и тут же снова принялся за нее. Его светлые, аккуратно причесанные волнистые волосы, как у актера – первого любовника во времена оккупации, еще были влажными на висках. Он сидел в своем коротком бежевом пальто с капюшоном, «дафлкоте», как он говорил на английский манер,

в кашне из шотландки, «которое действительно из Шотландии». Остальные инспекторы без конца подсмеивались над его светлыми волосами, необычным для их конторы пальто, над его манерами богатого сынка, но он не обращал на них никакого внимания. Он был худощав, небольшого роста, на губах его играла улыбка человека, который ничего не принимает всерьез, и в первую очередь – свою работу… Он не любил свою работу, но не испытывал к ней отвращения. Просто это его не трогало. Так захотел его отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.